В ТИХИХ ОМУТАХ

Партнер проекта

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

В ТИХИХ ОМУТАХ

ПРОМЫШЛЕННОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ И РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1871–1931)

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2026

УДК 502(091)(470+571)«1871/1931»
ББК 65.28-18г(2)53
В49

Редактор серии И. Мартынюк

Виноградов, А.
В49 В тихих омутах: промышленное загрязнение и рождение российской экологической политики (1871–1931) / Андрей Виноградов. — М.: Новое литературное обозрение, 2026. — 416 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»).

ISBN 978-5-4448-3031-4

История пореформенной России в «долгом» XIX веке была тесно связана с бурной индустриализацией — именно тогда общество впервые задумалось о последствиях влияния экономического роста на природную среду. В этом исследовании Андрей Виноградов прослеживает появление и развитие в публичном пространстве экологической проблематики и дискуссий, вызванных промышленным загрязнением и техногенными катастрофами. Он ищет ответы на важные вопросы: как «порча воды» — смутное, малопонятное явление для тех времен — превратилась в вопрос государственной важности? Как нефтяные пятна на Волге, ядовитые стоки текстильных мануфактур Морозовых, отходы сахарных заводов меняли не только законодательство, но и взгляды чиновников и общества на допустимые пределы промышленного роста? Как показывает автор, вокруг проблем, связанных с водной инфраструктурой и загрязнением, сталкивались интересы фабрикантов и крестьян, городских дум и министерских чиновников, появлялись новые общественные институты и горизонтальные структуры. Земства и думы искали способы защитить права местных жителей, а эксперты-гигиенисты впервые определяли нормы допустимых концентраций вредных веществ, сохранившие актуальность и в условиях форсированной советской индустриализации. Эта книга — рассказ о том, как в конфликтах вокруг заводских стоков и загрязненных рек в России зарождалась экологическая политика. Андрей Виноградов — историк, PhD, постдокторант Лейбниц-института истории и культуры Восточной Европы (Германия).

УДК 502(091)(470+571)«1871/1931»
ББК 65.28-18г(2)53

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии фабрики Л. Гейера. 1899. Автор неизвестен. Национальная библиотека Польши.

© А. Виноградов, 2026
© Д. Яшина, худож. иллюстрации, 2026
© Д. Черногаев, дизайн серии, 2026
© ООО «Новое литературное обозрение», 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Слова благодарности 8

Введение 13
- Историография 18
- Заметки о методологии 31
- Голоса источников 37
- Структура 40

Глава 1. Пространства производства и пространства загрязнения 42
- Пространства загрязнения в российской истории . . . 49
- Пространства производства 53
- Правовые лакуны 59
- Министерские коридоры и чиновничьи кабинеты . . . 78
- Заключение 98

Глава 2. Теории, эксперты, ассоциации 101
- Загрязнение и осквернение 104
- Миазмы и бактерии 112
- Онаучивание языка 120
- Эксперты 125
- Ассоциации 144
- Заключение 153

Глава 3. Радуга на Волге 156
- Технология и экология речных перевозок нефти 163
- Восприятие загрязнения 173
- Общественная дискуссия вокруг загрязнения Волги . . 182
- Рыба, нефть и революции 198
- Заключение 203

Глава 4. Битва за Тьмаку 209
Раскрашивая империю 215
На пути к судебному прецеденту 222
Сражение с невидимым 234
Стандарты сосуществования 251
Заключение 263

Глава 5. Сахарные реки 268
Экология российского сахара 275
Сладкие мечты 288
Холера, голод и сахар 307
Всероссийское общество сахарозаводчиков 322
Заключение 331

Глава 6. Национализируя загрязнение 337
Чужой пример 342
Кто говорит от имени государства? 352
Сила российской бюрократии:
санитарные инициативы МВД (1906–1917) 371
От «Временного» к «Центральному» 381
Эпилог. Борьба с промышленным загрязнением
в 1920-е годы 389

Заключение 394

Список сокращений и библиография 406

Тем, кто помогал мне держаться на плаву,
пока я проплывал над тихими омутами.

СЛОВА БЛАГОДАРНОСТИ

У исторических трудов тоже есть история, которая выходит далеко за пределы кабинетов, архивов и библиотек. Эта книга не исключение — она обязана своим появлением на свет многим людям, местам и институтам, встречи с которыми случались в разные периоды жизни и на разных этапах академической карьеры.

Как историк я привык оглядываться далеко в прошлое, а как экологический историк — замечать в нем не только человеческое. Если уместно начать слова благодарности с нечеловеческих субъектов, то первыми в этом списке будут мой родной город Елабуга, протекающая рядом с ним Кама, прекрасные сосновые леса и заливные луга, увековеченные моим земляком Иваном Шишкиным, и многочисленные слои истории, от средневековой булгарской крепости до дореволюционной застройки уездного города, между которыми прошли мои детские и юношеские годы. Длинные философские прогулки с отцом, Владиславом Виноградовым, научили меня замечать в окружающем удивительное и интересное, неуловимое на первый взгляд. Увлекательная работа мамы, Татьяны Виноградовой, в Елабужском музее-заповеднике и ее уникальное языковое чутье помогли найти способы выражения своих мыслей — преимущественно через тексты. Их любовь и поддержка всегда сопровождали меня в архивных и академических странствиях, результатом которых стала эта книга.

Мне посчастливилось писать курсовые и дипломные работы под руководством профессора Айдара Калимуллина, одного из пионеров экологической истории в России, декана истфака, а затем ректора Елабужского государственного педагогического университета. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, написанная под его же руководством, стала одним из первых шагов к этой книге. Я глубоко признателен своему первому научному руководителю за выбор темы, который стал для меня судьбоносным. Поддержка сотрудников Института истории им. Шигабутдина Марджани в Казани позволила мне успешно пройти защиту и закрепиться в исторической науке: спасибо Радику Салихову, Алексею Бушуеву, Лилии Габдрафиковой и безвременно ушедшему Рамилю Хайрутдинову.

Книга во многом обязана своим появлением небольшому, но профессиональному сообществу экологических историков, с большинством из которых мы встретились еще в 2014 году на конференции в Елабуге: Юлии Лайус, Валерию Дурновцеву, Стивену Брэйну, Дэвиду Муну, Евгению Гололобову, Максиму Мостовенко, Анне Агафоновой и Анне Олеленко. Их советы и поддержка были особенно важны на ранних этапах карьеры. В том числе благодаря им я стал частью Европейского общества экологической истории, объединяющего исследователей из самых разных стран и открывшего мне дальнейший путь в европейскую академию.

Выражаю свою признательность организациям, которые поддерживали начинающих российских историков, и их сотрудникам, включая Сандру Дальке и Беньямина Боерле. Работа с источниками в Санкт-Петербурге и Москве позволила мне выйти за пределы своего региона и взглянуть на историю загрязнения в масштабе Российской империи. Многие удачные находки стали возможными благодаря содействию и поддержке сотрудниц и сотрудников Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки, Российского государственного исторического архива, Государственной публичной исторической библиотеки. Значительная доля архивных находок была сделана благодаря полезным советам Григория Афанасьева и Андрея Давыдова, работавших в РГИА и Центральном историческом архиве Москвы соответственно.

Мои исследовательские интересы начали приобретать четкие методологические очертания и форму нынешней книги в годы докторантуры в Центре Рэйчел Карсон в Мюнхене. Мне чрезвычайно повезло стать частью этого ведущего исследовательского центра в области экологических гуманитарных наук и попасть под крыло двух прекрасных людей и специалистов, ставших моими научными руководителями. Большое доброе сердце Юлии Херцберг и суперспособность Кристофа Мауха вдохновлять на новые свершения помогли мне справиться со всеми перипетиями докторантуры. Я благодарен большому сообществу Центра Рэйчел Карсон, которое

помогло мне попасть в сложный мир немецкой академии (и не потеряться в нем), а также тем, кто читал и комментировал мои тексты во время оберсеминаров в баварском Шёнваге, не страшась их объема (многие из этих текстов вошли в нынешнюю книгу после правок, внесенных в результате наших плодотворных дискуссий): Мартину Мейске, Урсуле Мюнстер, Кэти Ритсон, Валентине Роксо, Андреасу Юнгеру, Йонатану Палмбладу, Павле Шимковой, Анне Антоновой, Дэниэлу Дюма, Клаудио де Майо, Таллитте Рейтц, Тее Шостерич, Виктории Мызниковой и другим. Часто крыша над моей головой в Мюнхене оказывалась только благодаря поддержке друзей и коллег — Лауры Куэн и Юрия Снигирева.

Существенная часть этой книги написана в тот период, когда я был частью команды Школы исследований окружающей среды и общества (Антропошколы) Тюменского государственного университета, где я оказался по приглашению Александра Сорокина. Большое спасибо Тимофею Ракову, Михаилу Пискунову, Дмитрию Нечипоруку, Роману Гильминтинову и Александру Фокину: они не только обогатили эту книгу новыми идеями из области истории науки и истории СССР, но и стали настоящими боевыми товарищами в продвижении экологической истории в России. Студенты первой в России программы по экологической гуманитаристике, которую мы успели запустить в Тюмени, внесли важный вклад в наше небольшое интеллектуальное сообщество. Я благодарен Анастасии Горелко, Михаилу

Маклакову, Роману Бугаеву, Герману Минзафарову, Марине Бабанской и Дарье Ващенко за интересные дискуссии и сотрудничество. Весьма продуктивным оказалось наше исследовательское сотрудничество с Иваном Манцеровым.

Многие люди в России и далеко за ее пределами были свидетелями развития моего исследовательского проекта, делясь со мной своими ценными идеями и комментариями. Большое спасибо Энди Бруно, Елене Кочетковой, Марии Пироговской, Анне Мазаник, Джонатану Олдфилду, Лутцу Хэфнеру, Елене Вишленковой, Мелани Арндт, Тимму Шёнфельдеру, Клаусу Гестве, Марку Эли, Илье Калинину, Анастасии Федотовой, Маргарите Дадыкиной, Александре Бекасовой, Кате Бруйш, Марине Лоскутовой, Кэтрин Евтухов, Станиславу Петряшину, Татьяне Перге, Кате Дозе, Ольге Труфановой.

Наконец, невозможно представить, как выглядела бы моя жизнь и научная работа в последние далеко не простые годы без поддержки жены Марии и дочери Дарьи. Их любовь, забота, эмоциональная поддержка и непостижимая терпимость к моим непрекращающимся разъездам стали одним из главных условий, благодаря которым книга смогла появиться на свет. Источники, мысли и цитаты на последующих страницах происходят из самых разных мест на планете, но лучшие авторские строки неизменно рождались у нашего теплого домашнего очага. Спасибо вам за это и бесконечно многое другое.

ВВЕДЕНИЕ

В 1887 году российский художник Алексей Кондратьевич Саврасов написал одну из своих последних работ — «Пейзаж. Село Волынское». Картина отражает эмоциональный настрой, который был присущ Саврасову в его последние годы: в сером депрессивном пейзаже с видом на подмосковное село заметны устремленные ввысь деревья и купола церквей, но в попытках дотянуться до небес их опережают дымящие заводские трубы. Фабричный чад коптит и закрывает собой купола, отравляет деревья, отделяет светлое небо от черной, грязной земли, покинуть которую удается только птицам. Лишенные листьев деревья уходят корнями в грязные, почерневшие воды. Новый прогрессивный, промышленный мир наступает на привычную сельскую, православную Россию, и первое, что возвещает о его приходе, — зловонные заводские стоки и клубы черного дыма.

Картина Саврасова намного глубже, чем экологический манифест. Она не призывает к борьбе и не вселяет надежды, но ставит наблюдателя перед выбором:

Ил. 1. А.К. Саврасов. Пейзаж. Село Волынское. 1887 г.

вдохнуть полной грудью воздух промышленной эпохи или бежать к нетронутым индустриализацией землям? Попробовать ужиться с новым миром или попытаться привести его в порядок?

Промышленное загрязнение, менявшее окружающую среду быстро и радикально, стало одним из самых заметных маячков, обозначивших пределы экономического роста. Мысли и чувства, которые вызывает картина Саврасова, актуальны и по сей день — за исключением лишь того, что на Земле больше не осталось нетронутых мест, где можно было бы укрыться от побочных последствий индустриализации. За прошедшие сто с лишним лет загрязнение стало одной из главных проблем современного мира. Несмотря на прогресс, произошедший с конца XIX столетия в науке и экологической политике, ему по-прежнему удается застать людей врасплох. Токсичные вещества, попавшие в окружающую среду по вине человека, убивают около девяти миллионов людей ежегодно, унося в три раза больше жизней, чем СПИД, туберкулез и малярия вместе взятые. Изменение климата — главный вызов для современного мирового сообщества — представляет собой результат изменения состава атмосферы за последние триста лет бурного промышленного развития и не в последнюю очередь обусловлено выбросами предприятий.

За прошедшие сто с лишним лет не стала лучше ситуация с загрязнением и в России. По официальной статистике, каждый восьмой российский городской житель живет в городе с высоким или очень высоким

уровнем загрязнения воздуха, и, хотя в последние годы эти показатели немного улучшились, загрязнение в постсоветской России могло быть причиной 17% преждевременных смертей. Экологические издержки деятельности крупных производств — целлюлозно-бумажного комбината на берегу озера Байкал, алюминиевого завода в Красноярске, медеплавильного производства в Карабаше и многих других — регулярно становятся причиной серьезных конфликтов. Эти конфликты по-прежнему воспринимаются как «бич современности», несмотря на то что еще во времена Алексея Саврасова люди часто сталкивались с похожими вызовами. На сегодняшний день у России есть богатый, но все еще не востребованный опыт их разрешения.

Долгое время общество ждало помощи в борьбе с промышленным загрязнением от естественных наук, но чем серьезнее становятся кризисы во взаимодействии между человеком и природой, тем яснее, что сокращение вредных выбросов — не только вопрос химии и технологии. Решение экологических проблем зависит от эффективности государственных институтов, социального порядка, готовности общества к трансформации сложившихся практик взаимодействия с окружающей средой. Вызовы антропоцена — «эпохи людей» (или капиталоцена, как его предлагают рассматривать многие исследователи) — заставляют не только думать о будущем, но и обратиться к истории в поисках ответа на вопрос о том, как долго и какими путями мы к ним шли.

Индустриальная революция, во времена которой жил художник, вряд ли была началом этой новой эпохи, и не только промышленное загрязнение было ее причиной, но оба стали «путеводной звездой зеленого мышления», важной вехой и действующим лицом в глобальной экологической истории. В отличие от городских сточных вод и других бытовых отходов, которые были хорошо знакомой проблемой еще со времен Средневековья, заводские стоки представляли собой особое, неведомое зло. Отсутствие достоверных знаний об их свойствах и происхождении не позволяло их контролировать, а стремительный разрушительный эффект для ландшафтов и экосистем часто не оставлял местным жителям шансов приспособиться к загрязнению и сохранить привычный жизненный уклад.

Эта книга рассказывает о том, как индустриализация заставила россиян переосмыслить свое отношение к прогрессу и к воде — основополагающему элементу окружающей среды, который многие прежде воспринимали как нечто само собой разумеющееся. Участвуя во всех ключевых биологических процессах, вода поддерживала жизнь не только в людях и окружавших их организмах, но также в городах, поместьях, огородах, заводах и фабриках. Благодаря этому она имела как природное, так и важное политическое измерение. Люди, проживавшие вблизи крупных рек, имели лучший доступ к их ресурсам и торговым маршрутам; те, кто жил выше по течению, распоряжались более чистой водой, чем те, кто

жил ниже. Озера и реки часто становились яблоком раздора между группами людей с разными экономическими интересами — крестьянами, горожанами и промышленниками. История воды и водных инфраструктур — это также история борьбы за экологическую и социальную справедливость.

Исследуя то, как чистая вода добывалась и распределялась в различных обществах эпохи промышленного переворота, необходимо уделить внимание и тому, как индустриализация повлияла на представления о чистой воде. Промышленное загрязнение, если рассматривать его с точки зрения социальных и гуманитарных наук, представляло собой определенный уровень веществ в окружающей среде, считавшийся в обществе недопустимым. Представления о том, что составляет этот уровень и как его можно измерить, не были общими и неизменными — они существенно различались у фабрикантов, земледельцев, ученых и законотворцев, варьируясь также в зависимости от исторического контекста и региона. В широком смысле борьба с промышленным загрязнением представляла собой сложный процесс построения общей окружающей среды, возможности которой учитывали интересы разных общественных групп или, напротив, исключали некоторые из них. Именно поиск консенсуса в этой области стал одним из ключевых стимулов к зарождению комплексной политики.

Эта книга рассматривает зарождение экологической политики в контексте борьбы с промышленным загрязнением на примере малоизученного с этой

точки зрения государства — позднеимперской России. Будучи крупнейшей континентальной империей, дореволюционная Россия конца XIX — начала XX века быстро менялась не только в экономическом, но и в социальном отношении. Появление первых конкурентоспособных на глобальном уровне промышленных производств совпало здесь с глубокими политическими преобразованиями и созданием системы местного самоуправления, которые впервые дали гражданам возможность вступать в открытый диалог с государством и публично отстаивать свои права, в том числе право дышать чистым воздухом и пить чистую воду. Тем не менее выработка единой политики и общих стандартов по отношению к загрязнению оставалась в России сложной задачей. Обширное пространство страны, обилие в ней разных географических зон и регионов создавали особые социальные и природные условия для индустриализации. Многие исследователи обращались к примеру Российской империи и СССР, чтобы при сравнении с западными государствами показать, как суровый климат, особенности политического устройства и экономические приоритеты повлияли здесь на взаимодействие общества и окружающей среды.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Каким был российский опыт взаимодействия человека и природы в эпоху индустриализации, скорее

позитивным или негативным? Была ли российская экологическая история Нового времени особенной и уникальной — в положительном или отрицательном смысле — или она вполне укладывается в общеевропейский контекст? Начиная с конца XX столетия российские и зарубежные историки активно включились в обсуждение этих вопросов, рассматривая их с разных точек зрения.

Промышленное загрязнение окружающей среды стало одной из самых прочных основ для оценки российской и советской экологической политики. В своих основополагающих трудах по российской экологической истории Дуглас Винер пишет, что «лоскутное одеяло отравленных земель, отравленного воздуха и отравленной воды», с которыми мы сталкиваемся сегодня, обязано своим появлением непрерывной череде политических режимов, сходных друг с другом в своем отношении к природным богатствам. Со времен Ивана Грозного и до постсоветской России правители воспринимали окружающую среду как кладовую ресурсов, которые должны быть использованы во имя достижения государственных целей. В этом смысле, считает Винер, Советский Союз был лишь частным проявлением особого типа взаимодействия государства и окружающей среды, сложившегося в России на протяжении столетий. Пол Джозефсон полагает, что экологическая политика СССР фактически представляла собой «войну с природой»: ее результатом стали поля токсичных отходов, просачивающихся в грунтовые воды, а также дорогостоящие и неудавшиеся

проекты по преобразованию природы — так называемые «белые слоны» и гигантские неэффективные заводы, до сих пор доминирующие в ландшафте. В отличие от своего предшественника, Джозефсон ищет причины произошедшего внутри советской системы и называет три из них: страсть большевиков к планированию, приверженность к крупномасштабным проектам и постоянная борьба с внешним врагом, которая подстегивала высокие темпы эксплуатации ресурсов. Российские первопроходцы в области экологической истории Айдар Калимуллин и Евгений Гололобов разделяют этот взгляд: по их мнению, ключевой причиной экологических кризисов были технократический подход к решению экологических проблем, не предполагающий радикальные социально-экономические преобразования, но рассчитанный на количественные, поверхностные изменения, и тот факт, что государство рассматривало природу как «неблагоприятный фон» для реализации своих экономических планов.

Подходы к оценке российской и советской экологической политики как целенаправленного «экоцида» и «войны с природой» долгое время оставались преобладающими, однако последние труды в этой области рассматривают вопрос более комплексно. В своей книге «Природа советской власти» Энди Бруно, исследуя проблемы промышленного загрязнения на севере Европейской России, соглашается со своими предшественниками в том, что эксплуатация окружающей среды в российской истории достигала

катастрофических масштабов, но указывает при этом на ряд тонкостей, которым прежде уделялось недостаточно внимания. Во-первых, отношение к природе в российской культуре было амбивалентным: официальные потребительские дискурсы неизменно соседствовали с природоохранными инициативами. Во-вторых, важное значение в борьбе с загрязнением и в формировании экологической политики имели не только социальные акторы, но и сама материя, которая обладала собственной агентностью и не всегда «действовала» так, как от нее ожидалось, приводя к нежелательным экологическим последствиям и препятствуя попыткам сократить выбросы вредных отходов. Более позитивных взглядов на советскую экологическую политику придерживается Стивен Брейн, который рассматривает ее через историю леса: не отрицая провалов в других областях, он считает, что в охране лесов сталинскому СССР не было равных в мире.

Несмотря на очевидные расхождения, многие экологические историки России солидарны в том, что эксплуататорский подход авторитарного государства к окружающей среде господствовал в советской экологической политике, но не полностью ее определял: даже в годы самых суровых репрессий часть граждан продолжала бороться за охрану природы, добавляя полутонов в общую картину. С этой точки зрения российская и советская экологическая политика выглядит как более многогранный феномен, и формирование объемного представления

о ней требует дальнейших исследований. Однако самой важной общей чертой является то, что все эти работы сконцентрированы на советском периоде российской экологической истории, лишь вскользь затрагивая дореволюционные времена или вовсе оставляя их за кадром. В свою очередь, экологические историки Российской империи нечасто обращались к вопросам загрязнения окружающей среды: за редким исключением, они преимущественно сосредоточены на истории сельского хозяйства, природных ресурсов и эволюции представлений о природе в русской культуре.

Сложившийся историографический перекос привел к нескольким важным последствиям, которые логически вытекают одно из другого. Прежде всего, загрязнение окружающей среды промышленными отходами и образование обширных «индустриальных пустынь» могут выглядеть как исключительно советский феномен, происходящий не из капиталистической погони за прибылью (в той или иной степени свойственной всем западным странам), а из особого большевистского стремления к выполнению планов и реализации крупномасштабных проектов. Богатый опыт Российской империи в этой области до сих пор оставался невостребованным, хотя он способен существенно дополнить имеющуюся картину. Кроме того, недостаток материала для сравнения мешает ответить на вопрос о том, что делало экологическую политику собственно советской: какие ее черты обусловлены непосредственно установившимся в 1917 году режимом,

а какие имеют более глубокие исторические корни? Действительно ли революция стала рубежным событием в экологической истории России, или ее значение значительно переоценено? Это исследование не ставит своей целью сравнить опыт Российской империи с экологической политикой СССР или стран Западной Европы. Тем не менее оно заполняет важную лакуну в современной историографии, которая прежде мешала говорить о разрывах и преемственности между «российским», «советским» и «европейским» с точки зрения взаимодействия человека и окружающей среды.

Анализируя особенности и истоки борьбы с промышленным загрязнением в дореволюционной России, важно рассматривать ее в контексте не только отечественной истории, но и истории других стран в XIX столетии. В последние десятилетия промышленное загрязнение стало предметом целого ряда исследований, посвященных преимущественно государствам Западной Европы. В отличие от историй Новейшего времени — периода, когда издержки промышленного роста уже были привычной проблемой, — эти работы повествуют о том, как рождалось представление о промышленном загрязнении, прежде малоизученном феномене, который постепенно становился неотъемлемой экстерналией экономического роста и ожидаемым элементом городской жизни.

Несмотря на очевидную связь между загрязнением и окружающей средой, этой теме не сразу удалось отвоевать себе место в историографии экологической

истории: долгое время оставалось популярным мнение, что искусственная антропогенная среда — это «всецелое выражение культуры», а не природы. Локомотивом, вслед за которым история борьбы с загрязнением окружающей среды ворвалась в исследовательское поле экологической истории, стала городская история. Сэмюель Хейс предложил рассматривать историю XIX столетия как историю урбанизирующегося общества: по его мнению, это могло исправить то обстоятельство, что в своих исследованиях об индустриализации и урбанизации городские историки ограничивались изучением городских систем, словно вокруг них не существовало сельской местности и природных ландшафтов. Удачным примером, демонстрирующим тесную связь между городами и сельской местностью, естественной и искусственной средой, он считал книгу «Природный мегаполис» Уильяма Кронона: на примере Чикаго автор показал, насколько значительную роль играли природные ресурсы и сельские окраины в становлении этого мегаполиса в эпоху промышленного переворота. Однако природные ресурсы не были единственным, что связывало города с внешним миром: конструирование и потребление ресурсов были неразрывно связаны с конструированием и производством загрязнения, распространение которого также не ограничивалось городской чертой. Рождаясь в искусственных ландшафтах, оно распространялось поверх границ и неизбежно вторгалось в природные системы, разрушая существующие экологические

цепочки и нанося тем самым ответный удар по человеческим сообществам.

В 1980-е и 1990-е годы ученым по-прежнему приходилось констатировать, что промышленное загрязнение является наименее изученным следствием промышленного переворота. Потребовалось время, чтобы промышленные отходы смогли в трудах историков получить свою независимость от общей группы городских нечистот и занять важное место в числе феноменов, повлиявших на становление урбанизированных обществ XIX столетия. Во многом это стало возможным благодаря трудам Джоэла Тарра и Мартина Мелоси по городской истории: токсичные заводские стоки стали в них предметом особого изучения и получили собственную агентность. Это был непростой шаг, поскольку, как показал Тарр, промышленное загрязнение долго игнорировалось не только историками, но и современниками промышленного переворота, которые были в большей степени обеспокоены распространением органических отходов и инфекционных заболеваний, нежели малоизученным токсическим эффектом заводских нечистот. Тем не менее разница между этими двумя видами загрязнения — бытовым и промышленным — была высока не только с химической, но и с социальной точки зрения. Если первое производилось разношерстной массой горожан, каждый из которых вносил свой скромный вклад в ухудшение состояния городской среды, то второе, как правило, имело ограниченный круг влиятельных виновников и представляло

собой издержку экономического прогресса. Именно заводские, а не городские отбросы в эпоху промышленного переворота заложили основы того, что впоследствии стало, по словам Мартина Мелоси, «фундаментальной дилеммой XX столетия»: следует ли пересмотреть экономическое будущее, формируемое рядом краткосрочных целей, с тем чтобы оно включало менее конечный и, возможно, менее ясный результат, определяемый вниманием к экологическим издержкам?

Этот вопрос стал одним из общих мест в последующих работах, которые рассматривали промышленное загрязнение в XIX столетии не в качестве дополнения к сюжетам об истории рек, городов или институтов, а как главную действующую силу. Уделив внимание отдельным небольшим территориям или отраслям промышленности, европейские историки переключились на более масштабные исследования, поместив проблему борьбы с экологическими издержками промышленного производства в широкий национальный или сравнительный контекст. Способность промышленного загрязнения провоцировать и поддерживать широкие дебаты о необходимости охраны окружающей среды играет важную роль в книге немецкого историка Френка Уэкёттера, посвященной становлению экологической политики в Германии и США. Уэкёттер рассматривает историю борьбы с загрязнением в первую очередь как историю особых национальных практик его регулирования, которые воплощались в специализированных

институтах. Несколько иного подхода придерживается французская исследовательница Женевьева Массар-Гильбо: ее работа охватывает все долгое XIX столетие с 1789-го по 1914 год и хронологически ведет отсчет с тех времен, когда представления о промышленном загрязнении еще не были сформированы. По этой причине создаваемый ею нарратив об истории загрязнения во Франции — это в значительной степени повествование о меняющихся представлениях о нем, которые эволюционировали от эмпирически ощущаемой «неприятности» (*nuisance*) до установленных законом и наукой предельных норм. Эта эволюция происходила на фоне широких общественных дискуссий о важности экономического прогресса, охраны здоровья людей и частной собственности, в которой участвовали группы с противоположными интересами. Тома Ле Ру, чьи труды значительно дополнили французскую историографию вопроса, сходится с Массар-Гильбо в том, что история загрязнения не всегда была историей успешной борьбы: статус «грязных производств» значительно зависел от исторического контекста, и в определенные периоды его хозяевам удавалось добиться права продолжать свою деятельность во имя национального прогресса, не обременяя себя суровыми санитарными ограничениями. Как и во Франции, многие жители викторианской Великобритании считали дым символом прогресса и благосостояния, что осложняло первые попытки установления контроля над загрязнением воздуха.

Многочисленные исследования по истории промышленного загрязнения в разных контекстах, регионах и в разные эпохи имели кумулятивный эффект, заложив устойчивый тренд к антропологизации подходов к его изучению — прежде всего к рассмотрению загрязнения как общественного и культурного, а не только физического феномена. Если ранее загрязнение рассматривалось как малоизученный и неведомый, но вполне реальный, измеримый и объективно существующий элемент окружающей действительности, то последние исследования анализируют его под несколько иным углом. Их фокус в значительной степени смещается с истории попыток изучить загрязнение, найти его источник и установить контроль над ним к истории представлений об экономическом прогрессе и тех его экологических последствиях, которые можно считать допустимыми. По утверждению Питера Торсхейма, измерить уровень загрязнения окружающей среды в историческом прошлом с помощью абсолютных величин невозможно, поскольку само понятие загрязнения существует тысячелетиями и присутствует во всех культурах, но его содержание меняется в зависимости от времени и места. То, что в одном контексте воспринималось как загрязнение, в другом могло не считаться таковым, поскольку представления о загрязнении, как и представления о природе, являются продуктами культуры. Франсуа Жарриж и Тома Ле Ру, соавторы первого труда по глобальной истории промышленного загрязнения, показывают его глубокую эволюцию не

только с точки зрения материальной составляющей, трансформировавшейся вместе с появлением новых и отмиранием старых технологий, но и с точки зрения культуры, которая также не могла оставаться неизменной под воздействием индустриализации. Промышленное загрязнение не было внешней силой, извне вторгавшейся в жизнь общества: оно производилось им самим, зависело от него и напрямую проистекало из сложившегося социального порядка.

Российская империя отличалась от многих европейских стран не только обширностью, но и неоднородностью своего пространства. Крупные промышленные регионы Урала соседствовали здесь с неосвоенными таежными просторами Сибири, южные аграрные территории — с крупнейшими нефтяными месторождениями. Тем не менее Россия оставалась гиперцентрализованным автократическим государством с единым центром в Санкт-Петербурге. Способна ли была эта континентальная империя выработать единые подходы в экологической политике, которые соблюдались бы в равной мере на всей ее территории, от полярного круга до засушливых южных пустынь? Насколько она была близка к достижению этой задачи в 1917 году, когда революция прервала эволюционное развитие всех элементов имперской политической системы? Резкая смена капиталистического уклада на социалистический также открывает широкий простор для сравнений, позволяя увидеть, как российское общество реагировало на экологические издержки индустриализации

в дореволюционное время и что изменилось после того, как новая советская власть провозгласила отмену частной собственности и национализацию предприятий. Наконец, включение опыта Российской империи в контекст борьбы с промышленным загрязнением в Европе XIX столетия позволит ответить на вопрос о том, насколько успешной была Россия в деле формирования собственной экологической политики, была ли она способна генерировать инновации в этой области или оставалась страной-«реципиентом».

На основе моей собственной работы с историческими источниками я покажу, что в пореформенной России борьба с промышленным загрязнением оставалась в значительной степени региональным явлением: в этой области инновации распространялись отнюдь не только из столицы к окраинам (российский историографический аналог принципа «from the West to the rest»), но, напротив, часто возникали как ответ на сугубо местные экологические проблемы. И хотя многочисленные проекты выработки общеимперских правил и стандартов очистки фабричных сточных вод, за редким исключением, не давали результата, Россия все же демонстрировала неожиданные успехи в устранении промышленного загрязнения на местах. Автократический стиль управления, который сложился здесь задолго до советских времен, приводил к тому, что определяющее значение в решении связанных с загрязнением конфликтов имели не принципы частной собственности, свободы

рынка или протоэкологические ценности, а приоритеты государственной власти, которые зависели от многих факторов и значительно варьировались в зависимости от исторического контекста. Исключения из этого правила были связаны по большей части с деятельностью созданного в ходе реформ Александра II местного самоуправления и реформированной судебной системы. Во многом именно благодаря импульсу к самоорганизации дореволюционные ведомства, представительные институты и добровольные ассоциации смогли сообща выработать принципы и институты, которые выстояли в политических потрясениях 1917 года и легли в основу раннесоветской системы борьбы с загрязнением водоемов.

ЗАМЕТКИ О МЕТОДОЛОГИИ

Чтобы лучше понять особенности становления контроля над промышленным загрязнением в России, я использую три ключевые методологические рамки: культуральный подход к промышленному загрязнению, метод региональных кейсов и агентность материи в истории общества.

Первый проистекает главным образом из подхода Мэри Дуглас к рассмотрению грязи (в широком смысле этого слова) как «материи не на месте», изложенного ею в книге «Чистота и опасность». Этот подход неразрывно связывает загрязнение с общественным строем и культурной средой, сложившимися

в данном историческом контексте. Определяющей характеристикой загрязнения в этом случае становится не степень его токсичности и не химический состав, но угроза, которую оно несет для общественного порядка, экономических практик и устоявшихся культурных норм. Ключевую роль здесь играет условная граница, при нарушении которой материя маркируется как загрязнение: ее могут обозначать пределы населенных пунктов, жилищ, человеческого тела, временной период или порог органов чувств, от которого зависит степень переносимости запаха или вкуса. В терминах Мишеля Фуко, контроль за нарушением этих границ может иметь форму сепарации или сегментации. Устранить загрязнение не обязательно означает уничтожить материю или избавить ее от вредных свойств: ее можно вывести за пределы определенного пространства — города, реки, деревни — или отвести ей сегмент пространства, в котором наличие загрязнения будет считаться допустимым (утилизационные полигоны, промышленные зоны, рабочие кварталы). В такой перспективе социальное измерение промышленного загрязнения становится еще более важным и приобретает прямую взаимосвязь с экологической справедливостью: устраняя фабричные нечистоты методом их исключения из охраняемого пространства (что было весьма распространенной практикой не только в XIX столетии), ответственные лица часто перекладывали издержки с привилегированных на наименее защищенные слои общества.

Помимо социального, загрязнение имеет важное пространственное измерение. История борьбы с ним — во многом также история взаимодействия между центром и периферией: последняя была вынуждена принимать в себя все то «нечистое», что исключалось из жизни центральных областей. Иными словами, перед нами история локального воплощения глобальных процессов: хотя многие научные идеи и практические подходы в области контроля над загрязнением имели всемирное значение, они должны были быть сначала поняты и воплощены на местах. Дихотомии центрального и периферийного, глобального и локального особенно важны для России, обширной и при этом чрезмерно централизованной страны. Как будет видно в дальнейшем, необходимость выработки системной экологической политики в отношении загрязнения окружающей среды в Российской империи проистекала в первую очередь из потребности в урегулировании местных конфликтов — их аналоги в Москве и Санкт-Петербурге решались с помощью введения особых правил для двух столиц, что соответствовало их статусу, в то время как локальные случаи актуализировали идею разработки общих правил для всей империи. В этой связи большое значение в настоящем исследовании имеет региональный подход. Вслед за российским историком Афанасием Щаповым я буду рассматривать историю России как историю регионов: они выступят не столько в качестве безмолвных объектов управления, сколько в качестве акторов,

способных оказывать заметное влияние на национальную повестку.

В основе книги лежит ряд наиболее значимых региональных кейсов, избранных для изучения по трем ключевым параметрам. Во-первых, согласно культуральному подходу к загрязнению, важен не сам по себе факт его присутствия в окружающей среде, а ответ на него со стороны общества. Территории с наивысшим уровнем промышленного загрязнения рек и озер далеко не всегда становились центрами инноваций в области контроля над ним. Довольно часто загрязнение водоемов не вызывало крупных конфликтов там, где его уровень был особенно высок и где их следовало ожидать в первую очередь (например, на промышленном Урале или в Иваново-Вознесенске), и наоборот: серьезные протесты нередко случались по причине гораздо более умеренного загрязнения источников воды. Во-вторых, примеры из разных городов и губерний России, удаленных на значительные расстояния друг от друга, позволяют обеспечить контекстуализацию, столь необходимую для понимания способов и механизмов решения конфликтов вокруг фабричных сточных вод. Географический разброс рассматриваемых территорий соответствует широте и культурному разнообразию Российской империи, что необходимо для изучения борьбы с загрязнением в национальных масштабах. И в-третьих, выбор кейсов для детального изучения не в последнюю очередь обусловлен практикой исторического исследования, в том числе наличием

и доступностью источников, которые позволяют осветить конфликты с разных сторон, показав особенности взаимодействия между всеми вовлеченными в них сторонами: гражданами, чиновниками, учеными-экспертами и промышленниками.

Каждый из кейсов, выбранных для подробного изучения, играет свою роль в исследовании. Анализируя их, легко увидеть специфику каждого конфликта, но также нетрудно заметить общие темы, персонажей и институты, которые принимали участие в их разрешении. Загрязнение Волги нефтью было первым случаем в российской истории, когда загрязнение затронуло сразу несколько губерний и крупных городов. Это стало испытанием для горизонтальных межрегиональных структур — добровольных ассоциаций, которые смогли вывести дискуссию на национальный уровень и поспособствовать ее эффективному урегулированию. Борьба против загрязнения реки Тьмаки в Твери — яркая иллюстрация деятельности городской думы, важного института местного самоуправления, который использовал все имеющиеся в его арсенале методы, чтобы противостоять влиятельным промышленникам. Исследуя архивные документы — материалы судебных заседаний, протоколы заседаний городской думы, экспертные отчеты, — можно увидеть, из чего состоял этот арсенал и как он работал на практике. Наконец, загрязнение рек сахарными заводами показывает, как региональные инновации могли трансформировать и совершенствовать государственную политику даже в рамках

империи. Сквозь все эти сюжеты просматривается работа ученых-экспертов, которые развивали в России промышленную токсикологию, а также институтов и обществ, участвовавших в создании системной экологической политики.

При этом необходимо уделить внимание и тому актору, который заставлял их взаимодействовать друг с другом в изучаемых разбирательствах, — самой материи. Оценки ее роли в развитии общества имеют крайне широкий диапазон, варьируясь от понимания природы как «внеисторического предмета познания» до экологического детерминизма. Антропологический подход в данном случае защищает от крайних форм исторического материализма: физические свойства загрязнения отнюдь не являлись фактором, всецело определявшим реакцию общества и развитие экологической политики. Тем не менее загрязнение безусловно имело собственную агентность в истории индустриализирующихся обществ. От его характеристик зависело то, какой именно вред промышленные предприятия причиняли окружающей среде, какие социальные группы оказывались в наиболее уязвимом положении и насколько широким был круг пострадавших. Будучи не до конца изученным феноменом, загрязнение могло «действовать» непредсказуемо для современников: отступать, наступать, запускать цепочки негативных последствий, которые было трудно понять с помощью имевшихся в распоряжении теорий. Отсутствие у фабричных отходов собственной злонамеренности в отношении людей

не играет в этом случае решающей роли: вне зависимости от него обществу приходилось искать ответы на предложенные вызовы и вырабатывать новые стратегии приспособления к меняющейся ситуации. Основываясь на подходе Джона Мак-Нилла к истории как коэволюционному процессу, включающему общество и природу, Энди Бруно предлагает рассматривать «грязь истории» как недетерминированный актор, не приписывая ей самостоятельности. Такой подход представляется довольно продуктивным в отношении загрязнения, которое выступало в качестве актора, оставаясь в то же время социальным и культурным конструктом.

ГОЛОСА ИСТОЧНИКОВ

Ситуация с историческими источниками во многом предопределила то, какие герои чаще всего появляются в историях о загрязнении и в каких декорациях происходит действие. Эта книга не стала исключением. Больше всего о фабричных отходах писали те, кому приходилось иметь с ними дело по долгу службы: инженеры, врачи, ученые, гласные городских дум, чиновники губернских учреждений и высших ведомств. Реже, но ярче на эту тему высказывались жители городов, чьи мнения можно прочесть на страницах газет того времени. Существенно сложнее услышать голоса крестьян и рабочих (которые, однако, могли страдать от загрязнения гораздо больше

остальных), поэтов и художников, по-особому воспринимавших прогресс и окружающую действительность, — лишь немногие из них, как Саврасов, обращались к таким неприглядным, но при этом обыденным сторонам повседневности.

Основную часть источников для этой книги составила документация институтов, осуществлявших экспертную оценку санитарного состояния промышленных предприятий и контроль за ним. Политика Министерства внутренних дел во многом зависела от двух его подразделений, Медицинского совета и Хозяйственного департамента, которые часто привлекались к судебным тяжбам, участвовали в решениях вопросов об открытии или закрытии фабрик в российских городах. Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности, выделившееся из его состава в 1905 году, выступали преимущественно в роли покровителей фабрикантов, защищая их права, в том числе в вопросах борьбы с загрязнением. Последнее слово в судебных разбирательствах против промышленников принадлежало Правительствующему сенату — высшей судебной инстанции Российской империи, чьи фонды содержат многочисленные дела о загрязнении вод стоками промышленных предприятий. В раннесоветские годы санитарный надзор за промышленностью осуществляли некоторые подразделения Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и Народный комиссариат земледелия. Весомый вклад в становление экологической политики внесли добровольные ассоциации, объединявшие ученых, врачей

и промышленников: в позднеимперский период они все чаще принимали участие в разработке законов и принятии судебных решений.

Научные журналы позволяют проследить эволюцию и трансфер представлений о промышленном загрязнении в России. Важные дискуссии разворачивались на страницах основанного Алексеем Петровичем Доброславиным журнала «Здоровье», учрежденного Николаем Федоровичем Гамалеей издания «Санитария и гигиена», печатного органа Общества русских врачей в память Николая Ивановича Пирогова «Общественный врач» и «Вестника рыбопромышленности», издававшегося Императорским Российским обществом рыбоводства и рыболовства (ИРОРР). Круг научной литературы дополняют книги ученых, многие из которых не только косвенно повлияли на ход борьбы с загрязнением окружающей среды, но и принимали в ней непосредственное участие через выступление в судах и проведение экспертиз, что сделало их важными протагонистами в этом исследовании: Григория Витальевича Хлопина, Флегонта Александровича Данилова, Сергея Петровича Лангового, Оскара Андреевича Гримма, Захария Григорьевича Френкеля и других.

Громкие судебные процессы и дебаты по поводу новых санитарных законов находили освещение в прессе, которая вносила новые краски в бюрократические дискуссии, помогая нам взглянуть на них с разных точек зрения. Тесная связь между промышленным загрязнением и острыми общественно-политическими

проблемами тех лет — проблемами социальной справедливости, полномочиями местного самоуправления, эффективностью судебной системы — способствовала тому, что связанные с загрязнением проблемы нередко привлекали внимание корреспондентов либеральных газет, включая «Голос» и «Новое время». Издававшаяся Минфином «Торгово-промышленная газета», так же как «Новости и Биржевая газета», существовавшая за счет крупных промышленников, рассматривала проблемы с иной стороны, концентрируясь на вопросах прогресса и правах фабрикантов. Локальные столкновения между промышленниками и горожанами обсуждались на страницах многочисленных губернских газет.

Там, где это возможно, я прибегаю к воспоминаниям участников описываемых событий и художественным образам. Доля таких источников — мемуаров, фотографий, картин, романов и стихотворений — непропорционально мала в сравнении с бюрократической документацией и научной литературой, что лишь придает им особую ценность.

СТРУКТУРА

За введением следуют две главы, посвященные контексту борьбы с загрязнением в Российской империи. Первая из них объясняет, что собой представляло пространство позднеимперской России в экономическом и социальном смысле, а также в каких юридических

условиях происходили конфликты между «загрязнителями» и «загрязняемыми». Вторая глава описывает идеи о здоровье, природе и загрязнении, которые лежали в основе представлений о нем и в значительной степени направляли ход общественных дебатов.

Третья, четвертая и пятая главы составляют «историческое ядро» книги, рассказывая о трех ключевых кейсах: загрязнении Волги нефтью, борьбе тверских горожан против текстильной мануфактуры Морозовых и ситуации вокруг сахарных заводов в южных губерниях, располагавшихся на территории современной Украины. Подробное рассмотрение этих кейсов показывает, как взаимодействовали друг с другом ключевые акторы и как региональные конфликты повлияли на дебаты об охране здоровья и окружающей среды от издержек промышленного роста на национальном уровне.

Шестая глава рассказывает о проектах разработки общероссийского санитарного законодательства и институтов, которые были призваны обеспечить практику его применения. История Временного комитета по охране водоемов от загрязнений сточными водами — самого успешного дореволюционного института по борьбе с промышленным загрязнением, созданного в 1911 году и продолжавшего свою работу после революции, — рассказывается в седьмой главе, завершающей книгу. В заключительной части я даю ответ на вопрос о том, что делало отечественный стиль регулирования самобытным и что отличало его от опыта западноевропейских стран.